

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ВАМПИРЫ ИНКОРПОРЭЙТЕД»

ГЛАВА I

Когда Ворон с командой явился на работу, поглазеть собрались все местные сливки: полицейские, чиновники. Даже мэр и школьный совет. Ну, чему тут удивляться? Такой уж городишко, захолустье Индианы.

И жара стояла удушливая, пыльная, захолустная. Толпа отпрянула от облаков пыли, поднятых джипами на просёлке, засыпанном молочно-белым гравием. Люди кашляли, прижимали к лицам носовые платки. Грохочущие автомобили объехали зевак и выстроились у особняка.

Моторы всех пяти заглохли одновременно. Из первого джипа шагнул наружу Джек Ворон — шесть футов два дюйма мышц, решимости и злости. Он посмотрел на цель, а когда обернулся, увидел местное начальство. Они собрались кружком, будто хотели погреться от него, Джека Ворона.

Впрочем, так оно и было.

Он благостно улыбнулся им, пожал руку нервничающему мэру, посмотрел на часы. Ровно полдень — и сто пять выше нуля.

Время убивать.

Через десять минут они взорвали южное крыло. Заряд на балконе третьего этажа вогнал крыло в землю

будто огромный кулак. Поднялись облака пыли и дыма. Охотники ждали. Вскоре сквозь пыль пробилось солнце. На обломки побольше полетели крючья. Зацепленные куски оттаскивали веревками.

Городская публика терпеливо ожидала, кривилась, когда крюки скрежетали по металлу, смотрела на то, как готовятся к бою машины, как из фургонов вылезают пятеро с восьмифутовыми пиками и стоят на изготовку. Но больше всего толпа глазела на Ворона.

Наверное, потому они и не подпрыгнули больше чем на фут, когда развалины зашевелились сами по себе.

— Босс! — заорал белобрысый парнишка по прозвищу Кот из своего «вороньего гнезда» — садового кресла, взгроможденного на фургон.— Мне кажется, у нас есть один.

Парнишка встал, приставил козырьком ладонь ко лбу и указал рукой.

— Вон там, в конце.

— Отлично,— спокойно заметил Ворон и скомандовал: — Рок-н-ролл, парни!

Команда заняла позиции, оцепила место настолько плотно, насколько позволяли руины. Ребята вытащили из задних карманов и натянули длинные, вроде женских вечерних, перчатки. На них блестела стальная сетка. Городские сбились плотнее.

Из кольца своих парней вышел Ворон с широким, прицепленным к тросу крюком в огромной лапе и воткнул его глубоко в обломок карниза, нависший над шевелящимся местом. Затем вернулся к своим и поднял левую руку. В нее сунули арбалет размером с детские качели.

Все застыли.

Началось почти сразу же после того, как Джек подал сигнал и кран натянул трос. Обломок едва наклонился, и

тут выскочил первый ублюдок, шипящий и дымящийся, корчащийся под солнцем, визжащий, будто гарпия, тычущий черными когтями, скалящий мертвые серые клыки.

Ворон выстрелил. Стрела размером с бейсбольную битку пробила грудь и хребет и на восемь дюймов вошла в карниз. Горящая тварь выплюнула комок ядовитой черной слизи, затряслась, завывала, заорала, отчаянно, бешено заскребла древко, но раскрывшиеся шипы прочно держали кол в твари.

Солнце и дерево убивали ублюдка, стирали его существование из мира людей и ярких жарких дней захолустья Индианы.

— А ведь странно оно,— обронил Кот после нескольких секунд тяжелого общего молчания.

Мэр повернулся к старшему городскому советнику и хихикнул. Тот захихикал в ответ. Вскоре все местные залились хохотом. Наверное, их отпускало напряжение, ужас прошедших месяцев. Но приезжие не смеялись. Команда молчала. Кот с высоты кресла смотрел на местных с откровенным презрением, а Ворон глянул на них так, что те в момент побледнели и заткнулись.

Когда тишина продлилась пять невыносимо долгих секунд, Джек Ворон сказал:

— Вожак не должен вылезать первым. Обычно он посылает вперед всех прочих.

— Как,— заговорил мэр, но не смог продолжить, сбился голос.

Он прокашлялся, стараясь прочистить внезапно пересохшее горло.

— ...Как вы узнали, что это вожак?

Джек закурил, потупился:

— ...Со временем, знаете, хорошо видно, вожак или нет.

Джек постоял еще немного и наконец впервые по-настоящему внимательно посмотрел на собравшихся — не как на близких «местных», а как на людей.

Их расплющило. Ужас, горе потерь, и ощущение полнейшей, отчаянной беспомощности.

Расплющило.

А дальше будет еще хуже.

«И что ж вы, почтенная публика, собираетесь делать дальше, когда всё закончится? — подумал Джек. — Когда весь город увидит, какие же вы беспомощные жалкие трусы, а вы сами ощутите, что ваше мужество втоптали в пыль? Попытаетесь учинить то же, что и остальные? Захотите выместить на нас? Обмануть нас и показать, что и у вас осталась толика мужества?.. А ведь будет еще хуже. Первый — это только первый».

— Порядок! — гаркнул Джек и хлопнул в ладоши. — Покатили дальше. Рок-н-ролл, парни!

И они покатали. И дальше было хуже. Второй оказалась визжащая тварь, лютая и жутко проворная. Когда ее проткнуло и пригвоздило стрелой, фонтаном ударила черная кровавая слизь, а тварь еще долгие секунды не хотела подышать даже после того, как пробили пикой череп.

Мерзость, черный кошмар, грязь и ужас среди бела дня.

Эту женщину все горожане знали уже сорок лет.

После учительницы из развалин вылезли местный почтальон, королева школьного бала и ее жених-футболист, а потом несчастная студентка, которой необратимо повезло проколоть шину на длинном темном проселке, лишь казавшемся пустым и безлюдным.

Обычный набор. Но неладно с пропорциями.

Через полтора часа после упокоения последней твари Энтони просмотрел записи Кота и заключил:

— Девять, включая жоака. Но только три мужика. Эй, босс. Они там были заняты, уж точно.

Ворон взял планшет с записью, взглянул и лаконично отрезал: «Нет».

Оба посмотрели в сторону приближающегося джипа. Вернулся Кот с командой могильщиков. Они выгрузили пустые канистры из-под коагулянта и забросили их в фургон.

Подошел местный.

— Думаешь, где-нибудь другое логово? — поразмыслив, спросил Энтони.

Бычьи шеи, широченные плечи — и такой понурый, весь будто выжатая тряпка. Джек подумал, что после пятичасовой бойни Энтони выглядит скверно — и это, наверное, к лучшему.

— Нет. То бишь я никогда не слышал, чтобы мужиков держали порознь. Во всяком случае, новичкам необходимо быть поближе к жоаку.

— Тогда как оно получилось, что...

— Черт возьми, Энтони! Я не знаю, отчего они не появились раньше. Может, чем-то были заняты?

— Интересно, чем именно?

Ворон вздохнул. К нему всегда приставали с такими вопросами. Он был самый опытный ветеран, уже три года в деле. Наверное, самая длинная в мире карьера в этом занятии. Но с чего им взбрело в головы, что он знает хоть полхрена про вампиров? Да никто про них ни хрена и ни о чем. Чтобы узнать, надо долго прожить. Наблюдать, замечать. А кто тут долго живет? Достали, право слово. Глядят будто на ходячий справочник. Да какое у них право...

Джек вовремя придавил злость, глубоко вздохнул, снова посмотрел на Энтони. Когда того подхватила

Команда, он был вполне себе профи, внешний полузащитник в «Сиэтл сикокс» — и человек с острым проницательным умом, храбрый, безоговорочно лояльный. Уж он точно заслуживает ответа от того, кто объявил себя вождем и командиром.

— Энтони, прости. Я просто не знаю,— честно ответил Джек.

Ворон скомандовал пикинерам расслабиться, саперам — забить последние заряды глубоко в обломки, и пошел переговорить с Котом, оживленно общавшимся с местными. Рядом местный падре, отец Эрнандес, благословлял в последний путь девять кучек пепла. Ворон не без труда подавил раздражение при виде нелепо сменяющего священника. «Святоши, мать их!»

— ...Мы это называем «соком Джоплина», потому что придумал это для нас Карл Джоплин,— объяснял Кот мэру и типу с ним, чьего имени Ворон не помнил.— Тогда им трудней выбраться наружу. Им и так трудно выбираться, знаете, а в особенности открыть чертов гроб. Вы вспомните...

— Эй, Вишневый Кот! — заорал Ворон, которого вконец достала местная глупость.

Чертовы жители захолустья еще два часа назад были перепуганы до немоты, а теперь с деланным интересом, эдак снисходительно и вежливо расспрашивают. Конечно, Ворон ожидал подобной метаморфозы с самого полудня, но лучше оттого не стало.

Кот извинился, отошел, провожаемый разочарованными взглядами. Ворон обнял его за плечо, заговорил шепотом, так что местные видели, что он говорит, но не могли разобрать слов. И очевидно оскорбились.

— Мать твою, ты что, не видишь? — буркнул Ворон.

— Ну да,— обиженно согласился Кот.

Ну да, надо же — и в самом деле обиделся.

— Черт, они мне уже и понравились. Знаешь этого парня-банкира, Фостера? Он захотел построить...

— Он захотел надуть твою и мою задницы,— перебил Ворон.

Кот замялся, нерешительно и рассеянно глянул на толпу.

— ...Ну, да,— наконец выдавил он.

Оба закурили и пошли к машинам.

— Но знаешь, Джек, они не то чтобы очень,— виновато зашептал Кот.— Они же пытаются вытащить себя из дыры, ну, найти хоть какое достоинство. Ты ж сам мне про это и рассказывал.

— Им не следовало загонять себя в дыру,— неумолимо отрезал Ворон.

— Джек, их вампиры туда загнали.

— Ну да, мать их, вампиры. Но, Кот, что это меняет? Местные не встали против них, забились в угол, а теперь хотят отомстить нам за то, что мы сделали их работу. У меня к ним никакого сочувствия.

— Но мы ж так их раскатали перед всем городом.

Ворон остановился, оглянулся и повторил:

— Никакого сочувствия.

— Слушай, ну зачем так заводиться? Они же просто, ну, застыдились, или вроде того.

— А тебе не приходило в голову, что им есть чего стыдиться? — осведомился Ворон.

Несколько секунд оба молчали.

— Ладно,— вздохнув, согласился Кот.— Я подготавливаю.

— Не надо,— покачав головой, буркнул Ворон.— На этот раз — не надо. Я не намерен мириться с этим дерьмом.

Кот искоса глянул на него.

— Но все равно, мне следует...

— Черт возьми, нет! Слушай, меня достали бесхребетные убудки. То они ползают на коленях, умоляют нас, потому что не хватает яиц встать против тварей, превращающих жен и дочерей в кровослюх. То они изо всех сил стараются сделать вид, что вовсе не ползали на коленях, мелкие кретины. А мол, тут всего лишь сделка, как любая другая, и вовсе не важно то, что мы прискакали перед самой резней.

Ворон чуть не задыхался от злости. Он выронил, расплющил о землю сигарету, прикурнул вторую.

Кот подождал, пока Ворон успокоится.

— Ну, на всякий случай я мог бы,— невинно и простодушно начал Кот.

— Делай, что хочешь! — свирепо перебил Ворон.— Но я тебе говорю, что меня достали и эти заморыши, и прочее подобное дерьмо. Не будет им, понял!

Он сунул трясущийся указательный палец под нос Коту.

— Ты понял меня?

— Понял, конечно,— покорно подтвердил тот.

Ворон оскалился, швырнул наземь сигарету и пошел к местным, все еще стоявшим вокруг джипов, но остановился, свирепо уставился на друга и прорычал:

— Не будет им!

На полдороге Кот услышал его хриплый шепот: «Вот не будет — и все».

ГЛАВА 2

Это была симпатичная тюрьма — особенно для поклонников старых вестернов.

Камера Ворона напоминала сразу все виденные серии «Стрелка». Топчан, табуретка, отхожее ведро без крышки, и дверь такая, что открывать нужно ключами от города, не меньше.

Но примечательней всего был замглавы местной полиции. Ради удовольствия его созерцать стоило посидеть в местной тюрьме. Он был воплощенное чудо.

Во-первых, его брюхо — настоящий триумф анатомии. Но истинного величия он достиг в искусстве ковыряния в носу. Ворон никогда за всю свою жизнь — и, как подозревал, за множество других — не встречал ковыряющегося в носу с таким неподдельным многочасовым усердием, и, главное, со впечатляющими результатами.

У зама имелись и прочие добродетели. Вдобавок к бытности неподдельным моральным уродом, он был еще и откровенным гопником. В первый свой час в кутузке Ворон наблюдал, как зам пресмыкается перед зятем мэра, беззастенчиво прессует несчастного школьника за слишком поздно оплаченный штраф за парковку и бьет Ворона полицейским фонариком по высунувшимся за решетку пальцам.

Ворону делалось легко и приятно от мысли о том, как он будет убивать зама. Оттого часы в кутузке текли

гораздо приятней. Точней, Ворон думал не про убийство, а про то, как заманит болвана. Дед Ворона не раз говаривал внуку, что гопники не любят и боятся драки. Они просто любят бить людей. На том Ворон и решил выстроить свой план на первые часы. Для начала следует немного понуть.

Ворон ныл про то, что его заперли в кутузке, про то, что его обманули большие дяди, мол, они-то думают, что им все можно, раз у них есть деньги. Он поныл и про еду, вернее, про ее отсутствие. Мол, помирает с голоду. Ворон поныл и о вони из параши, и о вкусе воды, и предположил связь между одним и другим.

Он жаловался на боль в пальцах, часто и звучно обсасывал их, показывал, какие они распухшие, требовал доктора.

Третий приказ заткнуться уже сопровождался рычанием.

— Так заставь меня, жирюга! — с такой же свирепостью заорал Ворон, но притом потупился.

Зам ухмыльнулся, встал, обошел стол, пошлепывая фонариком по ладони.

— Может, и заставлю, — с нежностью пообещал он.

Ворон сделал вид, что помимо воли пятится от решетки, но потом берет себя в руки. Затем он выкрикнул: «Я тебя не боюсь!» — самым неубедительным тоном, какой смог изобразить.

Ах, вот он, рай гопников. Свиные глазки зама радостно заблестели. Он вытащил ключи, оскалил в счастливом предвкушении зубы — все три оставшихся спереди, желтых и гнилых. Наглый бедолага узник в страхе прижался к задней стене! Сейчас, сейчас!

Но когда зам таки открыл камеру и шагнул внутрь, его хриплый гнусавый гопнический хохоток сменился пронзительным визгом.

Ворон впечатал его в письменный стол.

Потом зам поднялся из обломков расплющенного кресла и опасно выглянул из-за стола. Он не поверил, что такое происходит именно с ним.

Зря не поверил.

Но, в общем, Ворон его не покалечил, всего лишь повозил мордой по офисному полу до тех пор, пока зам не захныкал, а после закинул его в камеру.

Из среднего ящика стола Ворон вытащил армейский кольт и запасную обойму, тоскливо посмотрел на телефон. Эх, сейчас бы переговорить с Котом... но в мотеле снять трубку может кто угодно. Мать его, пока сидел в кутузке, никаких известий от Команды. Парни должны вытаскивать босса, все ж как обычно. Затем Ворон вспомнил, как бахвалился перед Котом. Дескать, обойдусь без помощи. Но Кот вряд ли послушал. С другой стороны, у того имелась крайне раздражающая привычка вдруг повиноваться боссу в самых неподходящих обстоятельствах.

Ладно, черт с ним, с телефоном. Ну лучше убраться подальше от полиции. Ворон сунул кольт глубоко за пояс и направился к двери, а по пути отсалютовал заму.

— Эй, Гомер, пока. Круто у нас с тобой получилось.

— А как вы узнали, что меня зовут Гомер? — прохныкала жирная клякса.

Ворон воздел очи к небу и рассмеялся. Да, Бог уж точно существует. И у него есть чувство юмора.

Теперь выбросить все из головы, отключить свет в каталожке, вдохнуть поглубже, взяться за дверную ручку.

— Всё в порядке, — прошипел себе Ворон. — Черт возьми, рок-н-ролл!

И распахнул дверь.

На тротуаре снаружи стояли все копы этого мира.